

Они выбрали достоинство

Восемьдесят лет назад узники Несвижского гетто подняли восстание

Несвиж – это красота, прочерченная в небе. Крыши и камни, воздушные замки облаков, зеркальность озер и торжественная тишина старинных парковых аллей. И небо, небо, отраженное в водах. Красота как фон для высокой трагедии. Только тут не театр, а жизнь, и реки крови, стекающие в озеро, и зрители, заткнув уши и зажмурив глаза, прячутся в домах, залезают под кровати, чтобы не видеть, не слышать, не знать, потому что жить с этим невозможно.

В этом году, как всегда, в журналистской свите сопровождала Большой театр на его июньском фестивале в замке Радзивиллов. И пока во внутреннем дворике репетировал балет, нас развлекали традиционной экскурсией по свежим выставкам замкового музея.

Чувствовала ли я, что именно сейчас столкнусь лицом к лицу с той трагедией, которую пережил этот старый княжеский город 80 лет назад?

Конечно же, нет. Мысли были легкие, как облачка в июньском небе.

Но первая же выставка, на которую нас привели, называлась просто и страшно: «Превращенные в пепел. Геноцид белорусского народа на территории Несвижского района в годы войны». Один из стендов был посвящен истории Несвижского гетто.

Надо отдать должное экскурсоводу Алле Никитенко. Говорила она спокойно, без надрыва, но так, что слова глубоко западали в душу:

– Самое страшное, что евреи считались изначально второсортными людьми. Им не разрешалось ходить по тротуарам. Они должны были снимать шапки при встрече с немцами. Они не имели права заходить в лавки и общаться с христианами и обязательно должны были носить на груди шестиконечную звезду.

И действительно, согласно документам, хранящимся в Национальном архиве Беларуси, уже в первом административном распоряжении от 7 июля 1941 года командующий тыловыми армиями группы «Центр» Макс фон Шенкендорф обязал

евреев на захваченных территориях носить опознавательные знаки.

За этим решением последовали и другие.

Ошибка думать, что план «окончательного решения еврейского вопроса» был принят немцами 20 января 1942 года на конференции в Ванзее. Да, гауптштурмфюрер СС Дитер Вислицени, работавший под руководством Адольфа Эйхмана в центральном Имперском управлении по делам еврейской эмиграции и лично причастный к уничтожению евреев в Венгрии, Словакии и Греции, на допросе в Нюрнбергском трибунале утверждал, что период планомерного уничтожения евреев начался с 1942 года. Возможно, в Центральной Европе так и было.

«Самое страшное, что евреи считались изначально второсортными людьми».

Но не забудем, что на наших землях немцы осуществляли план «Ост», или, как он назывался первоначально, план «Ольденбург», принятый на секретном совещании в замке Вевельсбург 12–15 июня 1941 года, фактически за неделю до нападения на СССР.

Как утверждал присутствовавший на этом совещании обергруппенфюрер СС, генерал полиции Эрих фон дем Бах-Зелевский, один из трех заместителей рейхсфюрера Генриха Гиммлера на Восточных территориях и главный свидетель обвинения на Нюрнбергском процессе, на том же совещании вместе с планом «Ост» было принято

Экскурсовод Национального историко-культурного музея-заповедника «Несвиж» Алла Никитенко: восстание в Несвижском гетто – первое в Восточной Европе

Место массового расстрела и захоронения узников гетто на Сновской дороге на окраине Несвижа

и решение о тотальном уничтожении евреев – Холокосте.

А значит, Холокост, тем более Холокост на наших землях, нельзя рассматривать вне плана «Ост». В частности, вне так называемого плана Бакке, о котором я писала в прошлом номере в статье «Лжепартизаны: тайное оружие геноцида».

Напомню: рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства, обергруппенфюрер СС Герберт Эрнст Бакке вывел «формулу», согласно которой украинский и российский чернозем должен был обеспечить продовольственную безопасность Германии. Но для этого требовалось умертвить порядка 30 млн человек – население лесной зоны, в том числе БССР, а также жителей крупных городов.

Экономическая составляющая плана «Ост», включавшая в себя массовое убийство славян и тотальное истребление евреев, стала частью четырехлетнего плана социально-экономического развития Германии.

Это была звериная борьба за продовольствие, причудливо и невротически переплетавшаяся с личной ненавистью фюрера к евреям. Еще в 1919 году в письме, адресованном командованию немецкой армии, Гитлер призывает к ограничению евреев в правах и к разработке специального

закона об инородцах. «Конечная цель этого закона – окончательное решение еврейского вопроса», – пишет он.

В ноябре 1941 года в беседе с послом Италии в Германии графом Галеаццо Чиано (зять итальянского диктатора Муссолини) Гитлер заявил, что «этой зимой умрут от 20 до 30 миллионов человек». Славян, евреев, представителей других народов СССР, которых гитлеровская клика наметила к ограблению и уничтожению.

К тому времени, когда фюрер произносил эти страшные слова, большинство евреев Несвижа уже были расстреляны. И это далеко не первая жестокая и бессмысленная казнь на территории нашей страны.

Через пять дней после начала войны, 27 июня 1941 года, 309-й полицейский батальон сжег заживо в синагоге Белостока (тогда территория БССР) 2000 евреев. По воспоминаниям свидетелей, полицай, командовавший расправой, выкрикивал: «Фюрер не будет кормить больше этих грязных шлюх!»

Чуть позже, в конце июля 1941 года, кавалерийская часть СС Франца Магеля провела операцию «Припятский марш». Никакими партизанами тогда еще и не пахло. Единственной целью эсэсовцев было уничтожить как можно больше белорусских евреев и славян, просто ради их истребления.

Гитлеровцы сжигали деревни, загоняли и топили людей в болотах.

– Первая Хатынь по плану Бакке была сожжена уже в июле 1941 года, – говорит директор российского фонда «Цифровая история» Егор Яковлев. – Именно план Бакке послужил триггером для нацистов на оккупированных территориях. Этот приказ вносил в логику Гимmlера новые вещи – снимал психологический барьер перед уничтожением групп населения по этническому признаку, ведь если все службы государства согласовали уничтожение 30 млн людей, то убийство еще одного человека или одного миллиона людей – это уже простые абстрактные цифры, отмытые от крови законами государства.

«Первая Хатынь по плану Бакке была сожжена уже в июле 1941 года».

Вот фон героических и страшных событий в Несвиже, о которых я впервые узнала от экскурсовода Аллы Никитенко. Массовый расстрел 30 октября 1941 года и последовавшее за ним восстание в гетто – первое на территории Восточной Европы. Обреченные на смерть люди нашли в себе и силы, и волю, и возможность к сопротивлению. Выжить удалось немногим. Выжить, чтобы помнить и рассказать.

Обреченные на смерть

– Вот здесь и было то самое гетто, о котором пишут в книжках, – говорит Иван Иосифович, мой гид по местам несвижского Холокоста. – Квадрат улиц 1-го Мая, Карла Либкнехта и Советской. Сейчас у нас тут школа, а тогда, говорят, находились бараки, в которых и жили евреи.

Иван Иосифович – человек зрелый и немолодой. Основное жительство у него сейчас в России, в Несвиже бывает наездами, но многое помнит из рассказов матери и бабки. По его словам, большинство несвижан еврейскую трагедию воспринимает как свою:

– Мы ведь все родственники, жили на одной земле, горе и радость – все было вместе.

Я специально приехала в Несвиж, чтобы раз-узнать подробности восстания, и благодаря Ивану Иосифовичу взглянула на город немного другими глазами.

Впрочем, до встречи с ним успела побывать в Несвижском историко-краеведческом музее, где старший научный сотрудник Ольга Шкрабина подробно обрисовала передо мной всю картину тогдашних событий.

– В Несвиже немцы были 25 июня, – рассказывает она, – и сразу установили порядок геноцида, когда евреев чем дальше, тем больше ущемляли в правах. Заставляли носить нашивки, запрещали ходить по тротуарам, торговать с белорусами. Брали в заложники и требовали выкуп золотом.

Протокол опроса свидетеля массовых расстрелов в Несвиже от 23 марта 1945 года, хранящийся в Зональном государственном архиве г. Барановичи. Документ предоставлен Несвижским историко-краеведческим музеем

Протокол опроса свидетеля 1945 года марта 23 дня г. Несвиже.
 Следователь НКВД Лейтенант государственной безопасности Бокань, всего шло допросом нижеподписавшего свидетеля с соблюдением ст. ст. 168-168 УПК БССР. Больше Петр Алексеевич 1838 года рождения, уроженец д.р. Великого Бокшисельского района Барановичской области, проживавший в Несвиже работал электриком электростанции в Несвиже, Белорусской, образование 8 классов, не судим. Свидетель предупрежден об ответственности за ложные показания по ст. 136 УПК БССР. Ответ: Вопрос: расскажите мне, в какой период времени немцы оккупировали Несвиж? Ответ: Проживал и работал в г.р. Несвиже работал электриком электростанции. Вопрос: расскажите, что вам известно о зверствах и злодеяниях немцев оккупантов в г.р. Несвиже? Ответ: В 1941 году немецкие власти под руководством команданта майора Гитлера производили аресты населения оставшиеся на оккупированной территории и всеконечно все это производили 10 апреля в 11 часов около школы в Несвиже всего было расстреляно около 20 тысяч человек фамилий этих людей не знаю. Ответ

Памятник на месте
массового расстрела
в Старом парке
в окрестностях
Несвижского замка

По словам Ольги Шкрабиной, евреев в Несвиж пригласили в XVI веке Радзивиллы.

– Это хорошие работники, ростовщики, торговцы, они приносили доход в казну города, – поясняет Ольга Владимировна. – Еврейская община Несвижа считалась одной из самых больших в Беларуси, она подчинялась Брестскому кагалу.

Кстати, Радзивиллы тоже держали евреев в гетто, причем, похоже, в тех же границах, что и немцы. В 1589 году Николай Христофор «Сиротка» Радзивилл издал правила для несвижских евреев. Жителям иудейского вероисповедания предписывалось на ночь запираить ворота своих улиц и держать их запертыми три дня на Страстной неделе. Впрочем, тогда же «Сиротка» даровал им право построить в гетто Большую синагогу, которая сыграла огромную роль в восстании и погибла вместе с ее защитниками.

«Мы ведь все родственники, жили на одной земле, горе и радость – все было вместе».

Сколько евреев было в Несвиже перед войной?

По данным переписи, которые мне удалось разыскать, в 1931 году в Несвиже проживало 3364 еврея, что составляло 44,3 % общей численности населения. В 1941 количество евреев в городе увеличилось до 4600, данные о про-

центной доле в общей численности населения отсутствуют.

Удивляет столь резкий рост, особенно если посмотреть на цифры переписи 1921 года. Евреев в Несвиже тогда насчитывалось 3346 человек, доля в общей численности населения – 48,9 %, то есть между 1921 и 1931 годами еврейское население Несвижа выросло всего на 18 человек. Откуда столь резкий скачок?

– Когда в 1939 году немцы вошли в Польшу, евреи увидели, что их уничтожают, помещают в гетто. Поэтому они стали массово переходить границу и оседать в западнобелорусских местечках, – пояснила Ольга Шкрабина.

«Только представьте, что вы стоите и ждете своей смерти, а ваших родных расстреливают у вас на глазах...»

Для меня это стало открытием. Я, конечно же, знала, что среди белорусской интеллигенции, особенно музыкантов, есть польские евреи, в 1939 году перешедшие границу. Более того, с детских лет бывала в доме композитора Эты Моисеевны Тырманд и ее мужа альтиста Израиля Александровича Турша и во всех подробностях слышала их историю.

Была убеждена, что это единичные случаи и что большинство беженцев из Польши сконцентрировалось в Минске. Однако согласно документам, хранящимся в Национальном архиве Беларуси, к началу 1940 года на территории БССР насчитывалось порядка 110 тыс. беженцев из Польши, преимущественно евреев. Из них 86 890 человек осели в Западной Беларуси, в том числе в Несвиже. Беженцы разделили судьбу несвижан, вместе сражались и вместе умирали.

Ольга Владимировна Шкрабина показала мне свидетельства того, что среди расстрелянных евреев были беженцы с запада. Часть вещей из раскопа, о котором еще пойдет речь, хранятся в музее.

– Есть у нас австрийская расческа, что для того времени было нехарактерно. Мелкие деньги французские и немецкие. Мыльницы, пряжка, ластик, измерительная рулетка, перьевые ручки, бутылочки с таблетками, обувь.

То, что было у людей в карманах. То, что от них осталось, – от тысяч убитых людей.

Самый страшный день

Впрочем, в первые месяцы оккупации ни колючей проволоки, ни расстрелов еще не было. Были издевательства, голод, поборы, унижения, изгнание из жилищ.

Но наступил самый страшный день в истории несвижского еврейства.

– 30 октября 1941 года всех евреев под предлогом проверки документов согнали на Ратушную площадь, – рассказывает Ольга Шкрабина. – На самом деле были изучены списки и отобрано 585 человек хороших ремесленников, которые должны были работать на немцев. Их отселили и поместили в гетто. Остальных разделили на две колонны и повели на расстрел. Очевидцы рассказывают, что одну группу повели в Старый парк возле замка Радзивиллов. Сейчас это место называется «Солнечная поляна». Там уже были выкопаны большие рвы, к которым подводили по 50 человек и расстреливали.

Ольга Владимировна замолкает. В музейном зале висит тяжелая тишина.

– Всегда говорю своим экскурсантам, особенно детям: «Только представьте, что вы стоите и ждете своей смерти, а ваших родных расстреливают у вас на глазах...»

Да, наверное, жестко, но другой прививки от фашизма, кроме правды, не существует.

– Попыток бегства не было, – продолжает Ольга Владимировна свой рассказ. – Люди подходили,

в них стреляли, они падали... Старожилы говорили, что когда закопали эти рвы, то земля еще дышала три дня. Потому что туда падали не только убитые, но и раненые, и потерявшие сознание от этого ужаса. Родители закрывали своих детей. Но оттуда вроде бы никто не выбрался. А еще говорили, что когда озеро вскрылось ото льда – сейчас это территория нашего городского пляжа, – вода была красная от крови.

Иван Иосифович проводил меня на место, где расстреляли 1500 мирных граждан.

– Я был мальчишкой и помню, как вскрывали этот ров, – рассказывает он. – Разговаривал потом с людьми, которые при этом присутствовали. Говорят, страшная была картина. Местность здесь болотистая, и тела погибших толком не разложились. Запах стоял такой, что невозможно было подойти. Для рабочих, которые непосредственно этим занимались, привезли два бидона со спиртом. Они выпивали по стакану и шли разбирать эти кости.

«Когда озеро вскрылось ото льда, вода была красная от крови».

Останки захоронили на городском кладбище 7 мая 1965 года. Установили памятный знак, а позже увековечили в бронзе и корни гигантского тополя, который стал свидетелем тех страшных событий.

– Говорили, что этот тополь очень старый, рос еще до посадки несвижских парков, – рассказывает

Находки из раскопа на улице Сновской и фотографии жертв расстрела в экспозиции Несвижского историко-краеведческого музея

Старший научный сотрудник Несвижского историко-краеведческого музея Ольга Шкрабина: Несвижское гетто – это наша боль

Несвижская синагога. Конец XIX века

Памятник на месте Несвижского гетто

Ольга Шкрабина. – Он был огромный, с большим дуплом в сердцевине. Нужно было человека четыре, чтобы его обхватить. Наверное, лет пятнадцать, как его поломало ветром.

Но он по-прежнему, как незримый часовой, охраняет вечный сон убиенных, пусть даже их прах покоится не здесь.

– Отчего тогда не сфотографировали эти раскопки? – сокрушается Иван Иосифович. – Я хотел найти фотографии для себя, чтобы иметь документальное подтверждение.

Но, наверное, сама судьба распорядилась так, чтобы остались только памятник, свидетели и легенда.

– А вторую группу повели мимо нашего музея, – рассказывает Ольга Шкрабина. – До войны это была улица Мирская, сейчас Ленинская. Там автодром и песчаный карьер, откуда брали песок.

Я была в этом жутком месте, где действительно, как оказалось, захоронены останки погибших.

– В апреле 2018 года здесь неподалеку, буквально наискосок от музея, выделили землю под частную застройку, – продолжает Ольга Владимировна. – И когда копнули эту землю, там оказался страшный пирог. Среди песка белели кости.

На раскопках работал 52-й отдельный специализированный поисковой батальон Минобороны. Работы продолжались до августа, было изъято 1067 останков, считали по черепам. В том числе останки 32 красноармейцев.

– Не нашли ни крестика, ни ладанки, только 23 фрагмента книг на иврите. Они представлены у нас в музее, – говорит Ольга Шкрабина. – Но в торжественном захоронении останков участвовали священники всех конфессий. Мы ведь не знаем, кто были те 32 красноармейца. Их имена не сохранились. Ни в одном из найденных жетонов не нашлось заполненного бланка с именем и фамилией. На одном из них был нарисован цветочек. Это я видела своими глазами.

Останки подзахоронили к памятнику, установленному на Сновской дороге еще в 1993 году, – там, где немцы погребли часть тел убитых в восстании. Над памятником, над высоким могильником, где покоятся останки, висится засохшая береза...

2700 убитых – страшная жатва смерти за один только день – 30 октября 1941 года.

Как закалялась сталь

Такая же участь, но чуть позже, ждала тех, кого не расстреляли, а поместили за колючую проволоку Несвижского гетто. Кого гитлеровцы и их прихвостни-полицаи обрекли сначала на трудовое рабство, а потом на убой. 585 человек – такую цифру назвала Ольга Владимировна Шкрабина.

Это были те, от кого немцы и коллаборационисты рассчитывали получить экономическую выгоду. Впрочем, они получали ее в любом случае.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся документы, свидетельствующие о том, что полицаи занимали дома и квартиры убитых и выселенных, присваивали их имущество.

Но они использовали еще рабский труд и отбирали работников только по тем специальностям, которые их интересовали. Остальные шли в расход, даже профессионалы.

– Например, фотограф Моше Фаянц, – рассказывает Ольга Шкрабина. – У него была мастерская по улице Школьной, ныне Ленинской. В 1920–1930-х годах его приглашали для съемок в замок Радзивилла, и у нас есть несколько его работ. Мы не знали, что с ним стало. Когда связались с иерусалимским музеем Яд Вашем, там рассказали, что его расстреляли 30 октября вместе с тысячами других несвижан.

«Нужно было иметь необычайное бесстрашие, чтобы верить, что кто-нибудь останется в живых».

Узников гетто принуждали заниматься отнюдь не фотографией.

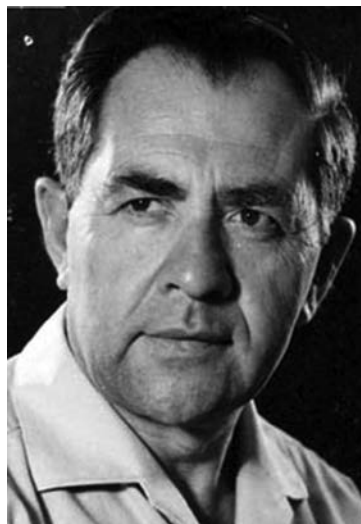
– Работа в Несвижском гетто была организована образцово, – рассказывает доктор исторических наук Михаил Стрелец. – За каждым закреплялось постоянное место, глава юденрата Магалиф организовал мастерские портных, сапожников и столяров. Одна из самых страшных работ в гетто – захоронение трупов.

Как утверждает в своей книге руководитель несвижского восстания Шолом Холявский, юденрат (коллорационистский орган, через который немцы осуществляли управление в гетто. – Авт.) собрали в первые же дни оккупации. А значит, именно юденрат составлял списки на расстрел 30 октября 1941 года; по крайней мере, именно так было в близлежащей Городее и в абсолютном большинстве других городов и местечек.

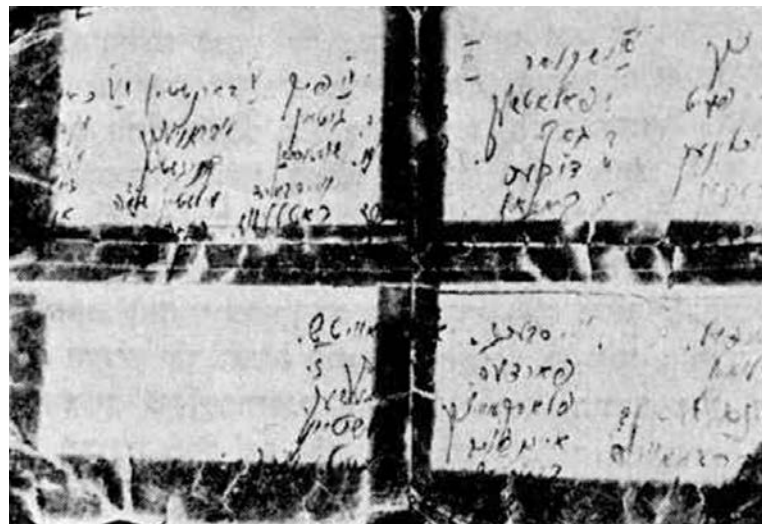
Коллорационистское руководство еврейской общины, по словам Холявского, изначально состояло исключительно из польских беженцев. «Несвижская буржуазия хотела откупиться и не вступать в юденрат, – пишет он. – Однако беженцы требовали, поскольку они не очень хорошо знали город, чтобы в юденрат вступило хотя бы несколько несвижских евреев».

На первых порах юденратчики надеялись обхитрить немцев. Но очень скоро поняли, что никакие уловки здесь не помогут. «Как только бумага с именами избранных в юденрат была подана немецкому коменданту, тот издал приказ, что евреям нельзя ходить по тротуару, только посреди улицы, – пишет Холявский. – Евреи должны были носить на рукаве знак отличия – белую повязку шириной восемь сантиметров с нашитой на нее черной звездой Давида. Когда находили еврея, нарушившего приказ, его расстреливали».

Люди в Несвиже понятия не имели, что это был централизованный приказ, предрешенный планом «Ост». Чертыхаясь, перемещались они вдоль

Шолом Холявский
составил список членов боевых
групп Несвижского гетто

улиц по сточным канавам, потому что по тротуару идти нельзя, а по проезжей части, забитой автомобилями и повозками с лошадьми, – невозможно. Немецкий водитель раздавил бы еврея без всяких колебаний, и никакой Магалиф ничего с этим не смог бы поделаться.

Редкая фамилия Магалиф крайне меня заинтересовала. Дело в том, что на два курса старше в Белорусской консерватории вместе со мной учился музыковед и композитор Евгений Борисович Магалиф. Сейчас он живет в США, но при нынешних средствах связи задать ему вопрос оказалось проще простого. Он подтвердил, что главой несвижского юденрата являлся его дальний родственник – Вольдемар Магалиф, адвокат, беженец из Варшавы.

– Кто-то пишет, что его вынудили работать на немцев. Конечно, ему было тяжело... Еще читал, что он тоже участвовал в восстании и погиб. Да, он сотрудничал с немцами, но это не значит, что им помогал, – он старался помогать евреям. Считаю, что в тех условиях он был героем. И не только я так думаю, – поделился своими мыслями Евгений Борисович.

Сейчас понять, где правда, очень непросто. Документальных свидетельств тех лет не сохранилось. Есть лишь воспоминания участников восстания – Холявского и Давида Фарфеля, сумевших выжить. Они воевали в партизанских отрядах, позже оказались в Израиле и уже там в своих книгах рассказали о восстании в Несвижском гетто. Холявский прожил ни много ни мало 97 лет.

Уроженец Лиды 28-летний Холявский работал в Несвиже учителем в еврейской школе. Среди молодежи наверняка было немало его учеников, и это одна из причин, почему он пользовался безграничным доверием.

«В таких условиях мы еще осмеливались верить, что, возможно, еще не все потеряно, и лелеяли тайную мечту, что, может быть, выберемся из этого ада, – пишет в своей книге «В Несвижском гетто и Налибокских лесах» Давид Фарфель. – Нужно было иметь необычайное бесстрашие, чтобы верить, что кто-нибудь останется в живых – возможно только для того, чтобы быть свидетелем и создать книгу для будущих поколений, книгу об этой ужасной трагедии, которая происходила с людьми в узких переулках, маленьких домах и тесных комнатах несвижского гетто».

Простейшим решением казался побег, но понятно, что оставшиеся будут расстреляны. Такого исхода никто не хотел. Однако никто также не собирался покорно идти на убой.

Поэтому возникла идея восстания. В конце декабря 1941 года молодые подпольщики объединились в арбайтеррад – совет представителей цехов. Кроме Шолома Холявского и Фарфеля, там были также подпольщики Мессер, Барнштейн, Голдберг, Ляховицкая и др. Решили, что главная цель – раздобыть оружие и наладить контакты за пределами гетто, чтобы уйти в партизаны.

Оружие создавали сами. Инженеры-химики Пардес и Гольдберг заготавливали серную кислоту. Отважные девушки Каган и Дукер трудились в комендатуре на чистке оружия. Возможно, их пристроил туда Магалиф. И при малейшей возможности воровали патроны и гранаты. Более того, им удалось разобрать на запчасти и пронести в гетто немецкий пулемет. Юноша по фамилии Альперович удачно разжился в комендатуре несколькими пистолетами. Другие подпольщики запасали бензин и вооружались ножами, клинками, топорами, заточками.

«Мы не пошли, как скот на бойню, мы стойко сопротивлялись, и убийцы понесли урон».

Первый звонок для узников прозвенел 4 марта 1942 года.

– Дошло известие о том, что в областном центре Барановичи проведена акция уничтожения еврейского населения, – рассказывает, ссылаясь на Давида Фарфеля, Михаил Стрелец. – В юденрате начали говорить о скором уничтожении гетто. Эти слухи подогревали полицейские, которые приходили к Магалифу.

Подготовка к восстанию резко активизировалась.

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», – сказал кубинский поэт и революционер Хосе Марти. Позже эту мысль повторила Долорес Ибаррури. Здесь же дилемма была другой: умереть стоя или покорно рухнуть в расстрельный ров.

Примечательно, что в самый канун восстания в июле 1942 года переизбрали юденрат, но Магалиф остался на прежнем месте.

Развязка стремительно приближалась. 17 июля 1942 года жестоко убили евреев близлежащей

Городеи. Магалиф созвал людей в синагогу и сообщил им эту страшную новость. Собственно, это стало сигналом к готовности.

Это есть наш последний...

На заре 21 июля в гетто заявили немцы. Велели собраться у синагоги, сказали, что будут отбирать молодежь в рабочий лагерь. И вдруг со стороны фашистов раздался выстрел. Колонна мигом рассыпалась, узники схватились за оружие, разлили бензин, подожгли гетто, с крыши синагоги Дукер застрочила из пулемета...

Бой продолжался весь день. Сорок немцев, по воспоминаниям Фарфеля, были убиты. Жертвы со стороны евреев, по его словам, 700 человек и лишь 28 спасшихся, примкнувших к партизанским отрядам. Подавляющее большинство из них не дожило до победы.

В своей книге Фарфель пишет: «Вечером, когда стемнело, мы решили, что выйдем этой ночью. Проведя пять дней без хлеба и воды, мы нашли в себе силы это сделать. Я вышел первым, и передо мной предстала картина, которая и пугала, и радовала. Большая часть города сгорела... Сердце радовалось тому разрушению, которое видели глаза. Мы не пошли, как скот на бойню, мы стойко со-

противлялись, и убийцы понесли урон. В период, когда фашистские войска еще продолжали свое наступательное шествие на восток, кучка евреев отважилась поднять восстание. Мы были последние пятеро евреев, которые покинули гетто. В тусклом свете рассвета 22 июля 1942 года тлели останки сгоревших зданий. Маленькие огоньки мерцали на пепелище гетто, как поминальные свечи по погибшим повстанцам».

Часть убитых евреев немцы захоронили прямо на месте, а остальных – в Альбянском лесу в пяти километрах от Несвижа и на Сновской дороге.

Рассказанному верить

Все факты геноцида, рассказанные здесь, подтвердил и прокурор Несвижского района старший советник юстиции Виталий Голубович.

– Уничтожение мирного населения Несвижа во время оккупации – это достоверно установленный факт, – заявил он. – За истекший период расследования по уголовному делу проделан значительный объем работы. Допрошено 110 свидетелей, в том числе из категории узников концентрационных лагерей, ветеранов и участников Великой Отечественной войны, иных лиц. Проведено 20 осмотров мест происшествий, 12 осмотров документов.

Памятник на месте массового расстрела в окрестностях Городеи

Подтвердился и факт содержания людей в гетто:

– Место принудительного содержания мирного населения численностью около 5 тыс. человек было создано в самом городе, в районе нынешних улиц К. Либкнехта, Пушкина, Советской и 1 Мая. Факты уничтожения мирных жителей зафиксированы в акте от 4 февраля 1945 года Барановичской областной комиссии содействия в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учету причиненного ими ущерба на территории Несвижского района Барановичской области в период временной оккупации в 1941–1944 годах.

Более того, выяснились некоторые новые факты и подробности.

– Так, 27 июля 1941 года местная полиция и жандармерия подожгли дома и во время пожара расстреливали людей на месте – уничтожили 700 человек, – рассказывает Виталий Голубович.

Массовый расстрел евреев в парке Радзивиллов и на Сновской дороге прокуратура датирует 23 октября 1941 года.

– В парке дворцово-паркового комплекса Радзивиллов в Несвиже 23 октября 1941 года расстреляли 1500 человек. В этот же день прошел второй расстрел на северо-восточной окраине города, по дороге Несвиж – Снов – Барановичи, где были убиты еще 1200 мирных граждан. Расстрелы населения проводились и в других населенных пунктах Несвижского района.

«Вопрос наказания военных преступников – это лишь вопрос времени».

Подтвердились и страшные подробности казни людей в окрестностях Городеи, предшествовавшей событиям в Несвиже:

– Людей выгоняли к месту сбора, приказывали лечь на землю лицом вниз – в одном из случаев каратели на грузовиках ездили прямо по ним. Выживших отвели в песчаный карьер на окраине деревни и расстреляли.

Подтвердился и факт восстания:

– Массовые убийства заставили людей объединиться и думать о самообороне – в результате появилось подпольное движение, происходили вооруженные восстания, в ходе которых некоторые фашисты и их пособники были убиты и ранены.

Прокурор Несвижского района, старший советник юстиции
Виталий Голубович

Будут ли наказаны виновные в страшных преступлениях против человечности, геноциде?

– Фамилии организаторов, активных участников и непосредственных исполнителей многих расстрелов известны, – отвечает прокурор. – Работа по сбору доказательств в рамках уголовного дела продолжается. Преступления, которые ими совершены, не имеют срока давности.

Вместо послесловия

Итак, восстание в Несвижском гетто было. Как и десятки других восстаний в городах и местечках Западной Беларуси. Немцы надеялись на покорность и раболепие местного населения, но они просчитались – им был дан достойный отпор.

...Несвижский район почти лишен леса. Бежать было некуда, но даже в этих обстоятельствах узники выбрали достоинство, и подвиг их навеки запечатлен в памяти поколений.

Юлия АНДРЕЕВА
Фото автора

*Редакция выражает признательность
заведующему отделом публикаций
Национального архива Республики Беларусь
кандидату исторических наук Святославу Кулинку
и Несвижскому историко-краеведческому музею
за действенную помощь в подготовке материала
проекта «Архивы. Ничего, кроме правды».*